

Глава 1

Дом еще стоял.

Странно. Я не думала, что все будет так...

Нет, я вообще не думала, лишь робко надеялась, что не осталось уже ни дома, ни двора. И что я просто приеду и уеду, убедившись, что искать что-либо поздно.

А он стоял.

Лютобор появился в шесть утра. Снова джинсы, майка. И рюкзак через плечо — старый, добела выцветший на швах, покрытый россыпью мелких пятен и даже заштопанный.

— Купил как-то в первую поездку, — сказал княжич, видя мое недоумение. — Третий курс. И волонтером. Экспедиция бюджетная, потому только волонтеров и набирали. Ну мне предложили, а я с радостью. Я тогда только-только историей по-настоящему увлекся.

— А до того?

— До того что-то было интересно, но ведь готовили меня не в историки.

Документы. Мобильник. Зарядка.

Что еще-то взять? Воду? Мы ведь не на неделю едем, так... Пара часов туда, час-два на месте и обратно. Я повертела бутылку в руках.

— А куда готовили?

— В управленцы. К счастью, я еще подростком показал полную неспособность к юридическим наукам. А вот бухгалтерия, экономика... дополнительно со мной тетка Люци занималась. Правда, как-то сказала, что таланта у меня нет. И способностей.

— Тебе сказала?

— Нет, конечно, отцу моему. И что толку с меня будет немного. Я потом уже, когда документы нес, и вспомнил

ее слова. В общем, на экономический конкурс был, в отличие от исторического, ну и подумал — какая разница? Зачем, если таланта нет. И даже способностей.

Действительно.

Я погладила дом.

Уезжаю, но ненадолго. Вернусь, и вместе будем думать, как дальше жить, раз уж дом мне теперь принадлежит. А решать надо, потому что одно дело — в гостях, и совсем другое, когда отвечаешь тут за все.

Надо будет осмотреть все толком. И с вещами Наины определиться. Ладно, зелья или травы, но... спальня. И тапочки. Шаль и халат. Да и в остальном... Любой человек со временем обрастает всякого рода мелочами, сердцу дорогими. Куда их? Выбросить? Если Афанасьев не забрал, то не нужны, выходит?

Жаль. Какая бы ни была Наина, все равно жаль. Иррационально.

Оставить? Это чужие вещи.

Отдать... кому? Наверняка есть какая-то организация, которая примет или...

Подумаю. Когда вернусь.

В машине княжича пахло выпечкой, а на заднем сиденье виднелась корзинка для пикника. Даже не корзинка — корзинища. Я бы в такую, пожалуй, влезла.

— На самом деле я даже рад. — То ли княжичу надоело мое молчание, то ли тишина тяготила, но он заговорил, едва мы выехали за пределы Упыревки.

— Чему?

— Всему. Не случись то, что случилось, что бы меня ждало? Какой-нибудь факультет экономики и управления, на котором я был бы где-нибудь в числе таких же, не особо способных и совершенно бесталанных.

Надо же, как он это близко к сердцу принял. Даже утешить тянет.

— А так?

— А так... Мне нравится история. Действительно нравится. И раскопки... на самом деле собственно раскопки — это заключительный этап, до него еще уйма работы. Скажем, определить место, хотя бы примерный район раскопок. Это не так просто, особенно когда речь

идет о регионах отдаленных. А такие сейчас и интересны. Москва, Новгород и прочие исторические области — это одно. Там все копано и перекопано, хотя тоже может свезти на неожиданные находки. А вот взять пару сотен километров севернее или восточнее...

— Курганы?

— Курганы известные тоже или вскрыты, или как раз закрыты для раскопок, если есть подозрение на аномальную активность. И чтобы там копать, требуется получить высочайшее дозволение. А чтобы его получить, нужно предоставить обоснование. Четкое и внятное. Тут уж общие фразы а-ля «поспособствует развитию отечественной археологии» не прокатят. Нет, все начинается в архивах. Поиск документов, желательно не слишком известных. Определение каких-либо событий, которые имели место быть и представляют интерес. Сопоставление карт — местность ведь меняется. Поиск ориентиров. Затем те же обоснования, разрешения на предварительную разведку...

Никогда не думала, что все так сложно.

Но слушать было интересно, да и от собственных сутливых мыслей отвлекало.

— Я разведку люблю едва ли не больше самих раскопок. Это своего рода экспедиция, но малыми силами. Я и еще пара или студентов, или коллег. Выезжаем на место. Снова ищем, сопоставляем, местных опрашиваем. Опять же архивы потрошим местечковые. Ну и потом сканируем.

— Силой?

И на кладбище нужно будет заехать. Я там тысячу лет не была, все наверняка заросло. Только сперва, наверное, в магазин. Ту же лопату купить. Или тяпку. Полоть. Краску? Оградку покрасить. Что еще?

— Когда я есть, то да, силой. Тут своя сложность. Слишком слабый дар возьмет только верхние слои почвы. Там можно найти пару монет, подковы или что-то вроде. Дальше размывается. А если дар сильный, то можно войти в своего рода резонанс. Глубокое исследование провести. Почва и предметы в ней накапливают силу с разной скоростью, особенно если рядом где-то поля,

или линии, или хоть какой-никакой источник. Вот и дают артефакты отклик.

— Тогда почему... — Запнулась, так и не озвучив вопроса.

Потому.

Потому что не так много одаренных с приличным запасом силы, готовых потратить этот запас и свое время на ковыряние в земле.

— Все правильно. — Лют понял по выражению лица. — Мои... знакомые предпочитают проводить время с большей пользой. Для себя ли, для рода. Сильный маг может многого добиться, хоть так, хоть на государевой службе. Даже из нашей группы парень один, толковый очень, талантливый... Не сирота, но с семьей там было сложно, поэтому его не обучали. Я ему помог кое с чем разобраться. В общем, прогресс у него случился. Качественный скачок силы. А следом и предложение поступило, которое он принял. Сейчас служит императору и неплохо себя чувствует.

— А...

— К тому же все, что найдено, — собственность императора. Выплачиваются, конечно, какие-то деньги... Но не скажу, что на многое их хватит. Так что это я могу себе позволить развлекаться, как братец выразился.

Кажется, эта фраза тоже задела Люта до глубины души.

— Это ведь не только развлечение.

— Не только, — согласился он, — но... Со стороны, пожалуй, так и выглядит. Нет, семья не в обиде... К счастью, я довольно известен уже — статьи вышли, и пара интересных находок за мною числится, которые род может поставить себе в заслугу. И награды есть. Не то чтобы я хвастаюсь...

— Хвастаешься, — заверила я.

— Хвастаюсь. Немного. Хоть чем-то. — Лют не обиделся, улыбнулся. — Одно время я пытался приносить роду пользу.

— Но?

— Меня попросили не мешать людям работать. И вернуться к историческим изысканиям. Хотя я искренне старался!

— Верю.

Просто... так бывает. Со всеми. Почему людей не удивляет, если кому-то боги не дали слуха, голоса или таланта к живописи, и удивляет, что кому-то не дали таланта быть управленцем.

— Не подумай, что я совсем беспомощный. Все-таки учили меня с детства неплохо. Я могу оценить работу управляющих, бухгалтерию проверить. Ну и в целом присмотреть. Но когда дело доходит до развития, расширения... лучше мне не вмешиваться. Так что следует признать, что я на редкость бестолков.

— Расслабься. Я и собственной жизнью не управляю. — Я откинулась на сиденье.

А ведь могла бы и отказаться.

Машина у меня имеется. Формально служебная, а по сути данная мне в личное пользование. И никто бы не возражал, воспользуйся я ею. Поехала бы одна.

Справилась бы. Я всегда справлялась одна.

Но почему-то больше не хочется. Устала от одиночества? Проблем? Понятия не имею.

— А что за медаль?

— В смысле?

— Ты сказал, у тебя награда имеется...

— Орден, — поправил Лют. — Орден Белого пламени. Даже так?

Это же... за что историку могут дать Орден Белого пламени?

— Довелось выкопать одну вещь... довольно опасную. Честно говоря, предполагай кто, что она в том могильнике будет, нас бы и близко не подпустили. — Лют смотрел на дорогу. И лицо изменилось, мелькнуло на нем что-то. — Главное, когда сканировал, я всплеск ощутил, но слабый. Истолковал... В общем, там вроде поселение было. Довольно крупное, торговое. А в таких местах всегда артефакты остаются, они всплески и дают. Мы еще, помню, обрадовались. Значит, не впустую, с находками пойдём... А находки — это статьи. И информация. О том, что было тогда, как оно было... Это, пожалуй, даже важнее, чем сами находки и статьи.

— И что...

— Поселение было. Не сказать что огромное, городом не назовешь, но вполне приличное. Тын, ров. И терем имелся не только княжеский. Дома... люди... Нам бы сообразить, что горожане в один день жизни лишились, только... Раскопки порой на гадание похожи. Тем более когда почвы и климат такие, что органика за пару десятков лет разлагается. Вот и остается... Тут вроде дом стоял, там еще один. Кости? Людей и скотьи, но вперемешку. Иные же растворились. Находишь, скажем, нижнюю челюсть и по ней предполагаешь, кто это был и как помер. Там... там изначально костей было больше, чем должно бы. И лежали так... есть разница, и можно сказать, допустим, что вот тут кладбище, потому что останки в одних позах. Или что мор был, кости в домах и позы другие. Или нападение — по следам на костях, повреждениям и прочему, есть признаки... Мы решили, что мор случился.

Слушая его, отвлеклась. Потому что на кладбище стыдно появляться.

Что там от могилы осталось вообще?

— Кстати, мор и был, если технически сугубо. Но не естественной природы. Не болезнь.

— А что?

— Всплеск темной силы. Там... умерли все и в один миг. Артефакт, который пытались подчинить, вышел из-под контроля.

Такое случалось. Не то чтобы нам рассказывали... достоверных случаев всего-то пара, и те благообразно именуются «происшествиями». Причем информация о таких происшествиях как правило закрыта. Но случилось, да.

— И что это было?

— Темный венец. Его нашли на местном владельце... кстати, тот отлично сохранился. Как до терема добрались, нам все понятно и стало. Терем сам неплохо сохранился. Тоже вот... голову бы включить, что ненормально это. Но нет, мы уже учуяли... находка, открытие... И Гришка все подбивал меня силу использовать. Мол, копать обычным образом — долго, муторно. Этак и год провозиться можно, а вот чтобы аккуратно и верх-

ний слой убрать... Я сперва отнекивался, но... Моложе был. Дурнее. Да и не думалось тогда о плохом. Вот и взялся помочь рабочим, расчистил. Там стены остались, крыша осела большей частью, но с крыльца пройти можно. А внутри — ни крупы земли, зато костями пол выстлан. Люди иссохли, а он остался. Ни одежды не истлели, ни сам мертвец. Сидел в резном кресле и улыбался. А потом... потом, верно, артефакт почуял присутствие живых. — Лют выдохнул и лоб потер. — Или еще раньше... Скорее всего, раньше, когда я рабочим помогал. Или вовсе на разведке. Я почти успел... понять. Старые вещи опасны, а тот венец — не просто старый, в нем была иная сила. Понимаешь?

Не та ли, что сокрыта в источнике?

И не та ли, к которой стремилась ведьма, то ли жизнь себе продляя, то ли посмертие откладывая? Не та ли, что источник изменила?

— Гришка... Григорий Аленьев, мой старый приятель. Он был хорошим ученым. Перспективным. И куда более талантливым, чем я. — Был. — Мы вошли и... Я сказал, что нельзя трогать. Надо особистов звать. Штука опасная. Только связи нет. Связь не слишком с этими дружит... Гришка и говорит иди, мол, а я тут. Покараулю, чтоб из рабочих никто не сунулся. Мне бы сообразить... увидеть, учуять след... но там такая аура смерти висела, дышать тяжело было... Я и вышел.

А Гришка остался.

И не устоял.

— Я только и успел, что деда набрать — на его звонок быстрее ответят, — как почуял, что он ожил.

— Гришка...

— Гришку он подмял. И еще двоих выпил... К счастью, мы только двоих вниз взяли.

— А дальше?

— Дальше... блок я поставил. Как учили. И Гришку вытащить попытался. Эта тварь — не уверен даже, что когда-нибудь человеком была, — навалилась тогда на блок... Сила ведь нужна, чтобы восстать. А у Гришки силы — пара капель.

То ли дело княжич.

Может, не больно талантливый в том, что экономики касается, но родовую силой сполна одаренный.

— Тогда... щит затрещал. И я понял, что если не удержу, то... Плохо помню. Только что я против немертвого? Неживого? Смешно еще стало, мол, история — наука тихая, спокойная... И деда жаль, он бы расстроился. А потом провал. У нас случается... родовая особенность. Когда перед глазами марево и все такое... Раньше вроде как полезное качество. Боевое безумие.

Не вяжется.

Лют и боевое безумие. Это что-то из древних сказаний или любовных романов, где это самое безумие приходит в очень нужный и важный момент. А чтобы вот так, по-настоящему...

— Я в больничке в себя пришел. Сказали, что сумел тварь накрыть. Удержать. Удерживать почти десять часов, пока подмога прибыла. Если бы она на свободу вырвалась, было бы тяжело. Жертвы были бы. Тем более копали мы рядом с городком одним, а она после сна голодная. — Княжич вздохнул. — Гришка вот...

— Умер?

— Откачали, но... Разум человеческий — хрупкая вещь. Я семью его не бросил, но все равно чувствую себя виноватым. — От совести не откупишься, мне ли не знать. — Он в хорошем заведении. И за ним смотрят. Сейчас тихий, спокойный. Спит. Мультики вот любит. Раскраски. Рисует иногда... Лепит. Венец тот. Подробно так... Его произведения изымают, да и сам он под особым надзором. Даже если очнется, вряд ли выпустят. Потому что...

Потому что опасное это дело — не ушедшие за грань древние твари.

Я знаю. Я тоже... столкнулась.

И Лютобор понял.

— Так что раскопки дело такое... можно и откопать что-нибудь этакое. Из прошлых времен. Поэтому любые мало-мальски серьезные раскопки требуют высочайшего дозволения. И согласований. И к группе приставляется наблюдатель от особого отдела.

— А у вас...

— Наш был стар и полагал, что ничего-то серьезного мы не откопаем. Были бы там курганы или место древних сражений... Или погосты какие, или старое капище, хотя их вообще копать запрещено. — Всецело поддерживаю. — А тут... Потом разбирательство долго тянулось. Он обязан был фон замерять, колебания... Да и я сам тоже, но я списывал все на мощный культурный слой, высокую энергоемкость... Тем более тварь эта пряталась. Они хорошо умеют скрываться.

Знаю.

Теперь на личном опыте.

— Вот по итогу мне орден и всучили. Заодно пришлось подписать кое-какие бумаги... — Я поглядела на княжича искоса. — Особому отделу всякие люди нужны. Если тебя это смущает...

— Нисколько.

Правду сказала. Хотя понимаю, к особому отделу и отношение в обществе, мягко говоря, неоднозначное. Опасаются их, чего уж там. Крепко опасаются.

И слухи... Про исчезнувших в застенках граждан, которые однажды неосторожно высказались. Про эксперименты над людьми, надо полагать, теми, исчезнувшими и высказавшимися неосторожно. Про эксперименты не над людьми.

И в общем... неоднозначное.

Наши их тоже не любят. Даже сложно сказать почему. Точно не по причине слухов. Не потому ли, что и внутренними расследованиями отдел порой занимается? А еще имеет обыкновение просто появляться и забирать дела без особых объяснений?

— Дед посоветовал не распространяться в обществе... не поймут. И брат сказал так же. Одно дело орден, это... достойно. — И можно записать в заслуги рода.

А вот связать себя со службой в столь специфической конторе...

— А другое дело...

— Именно. Тут, скажем так, память родовая сказывается. В свое время особый отдел сделал многое для укрепления власти императора. Сама понимаешь, далеко не все этому обрадовались... — Потому что, если где-то

власти прибыло, где-то ее и убыло. — Да и сейчас порой приходится заниматься делами, которые многие полагают личными. Семейными даже.

Вроде тех книг в серебре?

Даже думать не хочу, что станет с тем, кто эти книги дал студентке Яне Ласточкиной для написания реферата.

— Поэтому я пойму, если вдруг ты сочтешь, что продолжать общение со мной... тебе теперь неприятно.

— С чего бы?

Княжич пожал плечами.

— Мало ли...

Мало ли. Много ли.

— А зачем им историк? — Решила сменить тему.

— Я консультирую... Так уж вышло, что талант у меня все же обнаружился. — Лют, кажется, выдохнул с облегчением.

Неужели и вправду полагал, что я прикажу остановиться и гордо выйду из машины, чтобы не терпеть рядом с собой такого... какого? Отложившего свои дела ради сомнительной поездки на край мира? Ладно, в соседнюю область. Но эта поездка ему лично не нужна. А дела у него наверняка есть.

И... И вообще.

— И какой?

— Выяснилось, что я неплохо слышу старые артефакты. Более того, умею находить с ними общий язык. Я еще в университете работы писал по исторической артефакторике. Период, правда, брал узкий, но читал много. Интересная тема на самом деле. С нею мне и помогли... книги там, рукописи... Особый отдел — сложная структура. И я работаю в той его части, которая опасным наследием занимается. Не свечами на бабкинском чердаке, но чем-то посерьезней. Посложнее...

Да и со свечами, как выяснилось, многое наворотить можно. Что уж говорить о том, что посерьезней.

И выходит, что моим делом, то есть делом Розалии, они заняться должны?

— На самом деле такие штуки — редкость несказанная. Так что нам повезло... не повезло тогда. Просто не повезло.

И княжич получил орден с предложением. А тот, другой, уютную палату в психиатрической лечебнице. Да уж...

И хотелось бы что-то сказать, но... Я промолчала.

А потом мы приехали.

И я увидела дом.

Глава 2

Старый забор накренился, а в одном месте и вовсе лег, придавив сочные жирные стебли крапивы. Та, изогнувшись, поднялась меж штакетов, растопырила колючие ладони, словно предупреждая, что гостям тут не рады.

Но дом стоял.

И дорожка.

Помню эти плоские камни, врытые в землю. В дождь они блестели, и я порой сама лила воду, чтобы увидеть этот блеск. Желтый. Красный. А в черном, будто серебряная пыль проступает. И я присаживаюсь, касаясь ее.

У самого дома зеленой стеной поднимается сныть. Над нею, покачиваясь под собственной тяжестью, возвышаются огромные шары пионов. Надо же... и его помню. Как мешали в ведре куриный навоз и лили под корни, подкармливая. Мне еще обидно было — как это цветок ест такую гадость?

А мама смеялась.

Лицо ее... Сколь ни пытаюсь, вспомнить не получается, а смех и сейчас как наяву.

Я протянула руку. И не коснулась.

Оглянулась.

Машину княжич отогнал чуть в сторонку. И сам в ней остался. Спасибо. Он... хороший, очень. Слишком даже. И пельмени лепит вкусные. И...

Выбрось из головы, Ласточкина. Вы и близко не пара. Шаг.

Старая дверь. Замок. Словно во сне, я наклонилась. Порог сложен из тех же крупных гладких камней, что и дорожка, но один — с секретом. И ключ нашелся. Тоже старый, покрытый черной пленкой то ли земли, то ли плесени, но... пальцы ее стирают, и металл поблескивает. Как?